

ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ, ФОЛЬКЛОР И ПАБЛИК-АРТ В НЕФТЯНОМ МОНОГОРОДЕ: АЛЬМЕТЬЕВСК

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ^{[1], [2], [3]}

✉ NIK.VIK.PETROV@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1]РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

^[2]РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

^[3]МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

Петров, Н. В. (2019). Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск. *Фольклор и антропология города*, II(3–4), 74–105. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-74-105.

В статье рассказывается об опыте междисциплинарного взаимодействия при разработке паблик-арт программы «Сказки о золотых яблоках» и методе работы с заказным искусством в городской среде промышленного российского города. Для реализации арт-программы были приглашены фольклористы, религиоведы, городские антропологи. Исследовательская группа собрала большое количество фольклорного материала, материала устной истории, в результате был написан аналитический отчет о том, как использовать фольклорные и производственные сюжеты в пространстве города. Затем художники воплотили основные сюжеты в городском пространстве. Важно, что именно фольклор и устные воспоминания о прошлом стали концептуальной основой для паблик-арт программы. По результатам прикладного исследования мы выделили три блока историй, которые рассказывали жители Альметьевска: соединение городского и сельского, совместное неконфликтное проживание представителей разных этноконфессиональных групп, попытку истеблишмента влиться в модный урбанистический тренд. Уличное искусство включает в себя потенциальную конфликтность изображения с социальным окружением. Мурал «Защитник», изображенный в Альметьевске, наглядно показал, как в случае трансформации городского пространства сверху (со стороны власти и бизнес-элит) при игнорировании интересов и ценностей местных жителей может формироваться ответная активная реакция со стороны собственников и непосредственных пользователей территории. В ситуации изменения внешнего вида городского пространства в процессе паблик-арт программы довольно высока вероятность протестной самоорганизации локальных сообществ.

Ключевые слова: паблик-арт программа, устная история, фольклор, теоретическая фольклористика, постсоветская идентичность, прикладная фольклористика, Татарстан, Альметьевск, муралы, уличное искусство

Работа выполнена в рамках НИР РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

LOCAL TEXT, FOLKLORE AND PUBLIC ART IN AN OIL SINGLE-INDUSTRY CITY: ALMETYEVSK

Nikita V. Petrov^{[1], [2], [3]}

✉ NIK.VIK.PETROV@GMAIL.COM

ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1]RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

^[2]RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

^[3]MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

PETROV, N. (2019). LOCAL TEXT, FOLKLORE AND PUBLIC ART IN AN OIL SINGLE-INDUSTRY CITY: ALMETYEVSK. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, II(3–4), 74–105. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-74-105. (IN RUSSIAN).

This article describes an interdisciplinary effort between scholars, street artists and curators centered on a public art project, “Tales of the Golden Apples”, in an industrial Russian city. This project included research and analysis of the local identity of the city and the region, and translation of it into the language of art. The project’s location determined the terms for a new methodological approach. A team of folklorists, religion scholars, ethnographers and urban anthropologists collected folklore beliefs and oral histories characteristic of the region in a series of surveys. An anthropological study based on more than 40 in-depth interviews and ethnographic fieldwork was carried out in AlmetyevsK region. Street artists were then asked to create works of art based on oral histories and folklore material gathered by the researchers. It is important that it was specifically folklore and oral memories of the past that became the basis for the public art program, and this initiative may be called one of the possible applications of what R. Beals wrote of as “applied folklore” in the 1950s. According to the results of this applied research, we have identified three blocks of oral narratives transmitted by the residents of AlmetyevsK: 1) the connection of the urban and the rural, 2) the peaceful co-existence of different ethnic and religious groups within the city, 3) the attempt of the establishment to join the cutting-edge urbanistic trend. The analytical paper was employed by the curators of the public-art program and artists to incorporate folklore and oral history into the space of the city. Street art and public art revealed the “ugly truth” about the city to its residents. The Defender mural by the artist Fikos in AlmetyevsK has demonstrated how a public art painting can provoke active protest from the local community. Thus, redesigning urban space under the public art program was quite prone to instigate protest self-organization of local Russian and Tatar communities.

Keywords: public art program, oral history, folklore, theoretical folklore studies, post-soviet identities, applied folklore studies, Tatarstan, AlmetyevsK, murals, street art

The research was conducted under the RANEPА research project “Folklore ideologies and behavioral strategies in contemporary cities”.

ФОЛЬКЛОРИСТ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Опыт становления российской прикладной антропологии показан Михаилом Алексеевским в статье «Трудности перевода: заметки о развитии прикладной городской антропологии в России» [Алексеевский 2018]. На примере нескольких кейсов автор описывает сложности в понимании того, что называется «городская антропология», методов, с помощью которых исследователи коммерциализируют свой полевой и научный опыт. И если сейчас в России к городским антропологам более или менее привыкли, и прикладная антропология благодаря накопленным исследованиям и реализованным проектам уже не всегда воспринимается как *terra incognita*, то фольклористика в прикладной ее части продолжает ассоциироваться прежде всего с многочисленными фольклорными фестивалями, где фольклорист (или человек, получивший некоторые знания в области фольклористики) обеспечивает посредничество между стремлением организаторов к аутентичности и тем продуктом, который получается в итоге.

В то же время опыт фольклористов в прикладной сфере начинается с 1930-х годов. Первые имена, связанные с употреблением термина *applied folklore*, — Бенжамин Альберт Боткин и Ральф Леон Билс [Baron 2008, Beals 1950, Botkin 1945, Botkin 1953]. Боткин писал о прикладном фольклоре и как о способе психологической адаптации людей (мигрантов) к сложной ситуации, в которой они оказались, и как о своеобразной «межкультурной демократии», когда специалисты в области фольклора участвуют в качестве посредников в межгрупповых мероприятиях по установлению культурных контактов между различными этноконфессиональными группами [Botkin 1953: 199–200]. Такая в целом спекулятивная постановка вопроса о прикладном характере фольклора («фольклорист может реформировать общество») позволила тогдашнему патриарху американской фольклористики Ричарду Дорсону обрушиться с уничтожающей критикой на термин *applied folklore*. В эпоху становления фольклора как академической дисциплины ее прикладной характер¹ мог сыграть негативную роль, во-первых, в финансировании учебных программ, во-вторых, близок был опасный опыт использования фольклора националистическими государствами и диктаторскими режимами [Dorson 1971]. Термин *fakelore* для обозначения в том числе и прикладного фольклора, введенный в научный оборот Дорсоном, во многом является ответом академического ученого на попытки использовать фольклорный контент в коммерческих и социальных проектах.

Не касаясь сейчас различия терминов *applied folklore*, *public folklore* или *public sector folklorist*, которые употреблялись как контекстные синонимы для обозначения различной внеакадемической деятельности

---

¹ О сближении академической науки и прикладных проектов в области фольклористики и публичной истории, о теоретическом потенциале фольклориста писал Уильям Линвуд Монтель [Montell 1983: 168–171].

фольклористов², множества сфер, где применяется опыт фольклориста (см. [Jones 1994, Фиалкова 2010]), дисциплин, использующих образцы фольклора и записи устной речи в попытках вывести в публичное поле голос молчащего большинства (см., например, [Shuldiner 1998]), останюсь на термине, который предпочитаю использовать в публичных репрезентациях работы фольклориста как для коммерческих проектов, так и для открытых лекций – прикладная фольклористика.

На публичных мероприятиях – лекциях и семинарах, посвященных фольклорным исследованиям, – первые 10 минут мне приходится говорить о «привычном» для большинства неподготовленных слушателей понимании фольклора. Когда-то я представил это понимание в виде метафоры: «Когда видишь живого фольклориста, хочется заставить его слушать, как ты играешь на баяне/балалайке или поешь <...> песни. Наверное, так же было неловко Шурику в фильме “Кавказская пленница”. Этот фильм во многом и сформировал стереотип о фольклористе, приехавшем в деревню записывать “песни, шутки, тосты”» [Петров 2017]. Затем обозначаю то, чем занимаются фольклористы, определяя фольклор как «слова, действия, изображения, которые распространяются, тиражируются, видоизменяются и, включаясь в социальное пространство, выражают личные и коллективные эмоции, часто влияя на поведение людей». Зачастую этого определения достаточно, чтобы провести различие между изучением «танцев и тостов» и сложными и давно междисциплинарными штудиями современных фольклористов. После этого показываю на конкретных кейсах, как работа фольклористов может внести элемент академической науки в конкретные коммерческие проекты, избежать ошибок (или указать на них) в реализации замыслов, где по задумке организаторов главную роль играет фольклорный материал.

Интересно, что позиция «фольклорист в публичной сфере», «фольклорист как консультант» оказывается востребованной в последние несколько лет, а локальный фольклор, попадая в публичную сферу, используется как своего рода лейбл, повышающий символическую стоимость территории. В статье «“Фольклорный брендинг” российских территорий» я уже писал о возможных причинах роста интереса к прошлому, которое зачастую связывается с фольклором. Российские города в рамках этого процесса все чаще либо возвращаются к досоветским символам, либо изобретают новые, чтобы подчеркнуть свою уникальность. Особенно интересно наблюдать этот процесс в городах, созданных в советское время, которые сейчас изобретают новую идентичность, пытаясь создать смысловую и визуальную доминанту, которая бы сделала город нетиповым, непохожим на другие [Alexander 2003, Bassin, Kelly 2016]. При этом как для старых, так и для новых российских городов все более значимым оказывается создание брендов, обладающих такими характеристиками, как «известность», «локальная специфичность» и в определенном смысле «фольклорность» [Петров 2018: 85–86].

² См. об этом в продуманной и обобщающей этот аспект проблемы статье Ларисы Фиалковой «Прикладное применение фольклора» [Фиалкова 2010: 150–152].

ПАБЛИК-АРТ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В упомянутой выше работе Лариса Фиалкова перечисляет возможные сферы применения фольклористики как прикладной дисциплины [Фиалкова 2010]. Это фольклор на фестивалях; использование фольклора политтехнологиями (агитационные материалы, которые рассылались как святые письма и были рассчитаны на определенные группы населения, листовки разных партий с буквенными обозначениями, трактуемые как позитивные или негативные послания), медицинскими работниками для собирания более точного анамнеза, психиатрами, которые применяют паремии для диагностики болезни Альцгеймера, педагогами, использующими для обучения ученика методы сбора устного интервью, экономистами для понимания реальных, а не заданных экономическими моделями отношений человека с деньгами и т. д. Я бы добавил к этой статье Фиалковой еще одно применение фольклора и фольклористики — реализацию фольклорных сюжетов в произведениях уличного искусства и многочисленных паблик-арт программах.

Паблик-арт — это одна из форм существования современного искусства в общественном пространстве, где искусство находится вне художественной инфраструктуры, она рассчитана на взаимодействие со зрителями разного уровня художественной подготовки. Паблик-арт привлекает внимание к пространству, в котором представлено, и при заказном характере «сверху» иногда сохраняет черты «протестного» стрит-арта [Schacter 2016], так как многие художники начинали работать, создавая объекты стрит-арта.

Частой формой изображения являются муралы (murals) — произведения искусства, нарисованные или нанесенные каким-либо способом непосредственно на стену, потолок или другие постоянные поверхности. Художники органично вписывают муралы в окружающее пространство, подбирая цветовую гамму, детали рисунка и т. д.³ Художников, работающих с муралами, множество, например греческий Фикос⁴, о котором я буду говорить в конце статьи. Таким образом, паблик-арт, вероятно, можно определить одновременно как вектор институализации протестного городского искусства, когда художники должны работать с заказчиками, учитывая их запросы, но при этом пытаются сохранить стиль, манеру и лицо⁵.

В исследованиях уличного искусства происходит постоянная проблематизация стрит-арта и паблик-арта, попытки определения их функциональной роли. В частности, обсуждается функционал уличного искусства, которое способно менять человека (ср. с ролью фольклора,

³ Коллекцию произведений стрит-арта и паблик-арта можно посмотреть на сайте Urbanite, который стремится представить лучшие образцы городской живописи [https://www.urbanitewebzine.com/].

⁴ Его работы сделаны в стиле византийской фрески, см. [https://fikos.gr/murals].

⁵ Рафаэль Шахтер — исследователь уличного искусства — подчеркивает важность этого протестного элемента даже в одобренных сверху муралах, говоря, что не все произведения должны быть красивыми, они должны быть разными, ведь только благодаря восприятию этих различий жители города воспринимают «неприятную правду» о себе, о тех, с кем рядом они живут, и через это понимание подвергают сомнению собственные нравы и моральные принципы [Schacter 2014: 173–174].

который способен менять человека, о чем писал, например, Боткин). Так, муралы, по мнению Рафаэля Шахтера, могут изменить не только физическое пространство города, но и мировоззрение зрителя [Schacter 2014].

Одним из проблемных вопросов оказывается и непонимание локального своего рода «духа места», в котором работает художник-муралист. Хавьер Абарка описывает вынужденную изоляцию художника-муралиста от местного контекста, в котором он работает. Автор приводит в пример фестивали уличного искусства, где художник создает свои работы за короткий срок и не успевает познакомиться с культурой места [Abarca 2016].

Эти и другие факторы обусловили и наш подход к исследованию городского текста и татарского фольклора в Альметьевске.

АЛЬМЕТЬЕВСК — ПРОМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД И ЦЕНТР «ВЕЛОСИПЕДИЗАЦИИ»

Место действия — Альметьевск — довольно молодой промышленный город, основанный в 1953 году. До этого времени он имел статус села, там проживали в основном татары и башкиры, первые свидетельства о поселении появляются в конце XVIII века. В 70 км от города расположено Ромашкинское нефтяное месторождение — крупнейшее в Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. В состав Альметьевского района входят помимо Альметьевска поселок городского типа Нижняя Мактама, 45 сел, 36 деревень, 14 поселков, две станции и два лесничества. Численность жителей Альметьевского района (на 1 января 2016 года) — 204 тысячи человек, из них 151,4 тысячи человек проживают в Альметьевске.

После промышленной революции 1940-х годов, когда нефтедобывающие компании Советского Союза стали активно работать на этой территории, город разрастается, туда приезжает множество рабочих со всего СССР. В этническом отношении в Альметьевске доминируют группы татар и русских. По данным переписи 2010 года в городе живут татары (55%), русские (37%), чуваша (3%), мордва (2%). В Альметьевском районе есть чувашские, татарские, русские и мордовские деревни, в которых основным языком общения является язык этнического большинства. Живущие в городе говорят и по-русски, и по-татарски. Татары, русские, кряшены, чуваша знают о религиозных праздниках другой группы, могут участвовать в праздновании и использовать его элементы. В татарских семьях иногда красят яйца на Пасху и покупают куличи, русские могут принимать участие в поминальных практиках татар.

Среди профессиональных сообществ города доминируют нефтяники и строители. Роль нефтяников подчеркивается в обыденном и праздничном пространстве города: День города приурочен к Дню нефтяника, в городе множество памятников, связанных с нефтяной промышленностью. В период с 1940-х до 2000-х годов город был типичным советским моногородом: правильная планировка улиц, типичная застройка,

депрессивный характер инфраструктуры. Город обладает стандартным набором пространственных особенностей: массивный памятник Ленину на площади перед зданием администрации, по линейке прочерченные проспекты и прямые улицы. Такая планировка не учитывала рельеф и особенности местности. Отличительной чертой Альметьевска является сохранившаяся малоэтажная застройка середины 1950-х годов в центре. Она представлена комплексом двух- и трехэтажных зданий на центральных улицах города. Это дома из чупаевского камня — белого известняка, который добывали в селе Чупаево рядом с Альметьевском.

Начиная с 2010-х годов процесс изобретения идентичности, о чем я говорил выше, затрагивает и промышленный Альметьевск. Город благоустраивается, в 2016 году в Альметьевске появляется 50-километровая сеть велодорожек, спроектированная датским бюро Copenhagenize Design Company, что широко освещалось в местной и федеральной печати. Развитие велоинфраструктуры способствовало тому, что город попал в международную урбанистическую повестку Европы⁶, а слово «велосипедизация» становится модным и понятным всем жителям.

Именно в этот период в 2017 году здесь начинают работать сотрудники Института исследований стрит-арта, приглашенные по инициативе градообразующей нефтяной компании⁷.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сейчас реализация пятилетней паблик-арт программы «Сказки о золотых яблоках» зависит от нескольких акторов. Нефтяная компания — заказчик изменений в визуальном облике города; администрация города — партнер заказчика (далее — заказчик); основатели и работники Института исследований стрит-арта, кураторы и исполнительный продюсер Арт-программы «Сказки о золотых яблоках» (далее — кураторы⁸) осуществляют сложную функцию посредничества между руководством градообразующей компании, призванным переформулировать основную идею нефтяного моногорода, и художниками, архитекторами и скульпторами (далее — художники). Исследовательская группа, состоящая из фольклористов, антропологов, религиоведов, специалистов по татарской культуре и языку, консультирует заказчика и кураторов (далее — исследователи). Главный продукт арт-программы — муралы, выполненные российскими и зарубежными художниками на стенах домов города, серия скульптур в общественных пространствах,

⁶ <https://copenhagenize.eu/almetyevsk>

⁷ Интересно было бы провести сравнительное исследование Альметьевска и норвежского Ставангера, где с 2001 года происходит фестиваль Nuart, который сделал этот город знаменитым благодаря высокой концентрации деинституционализованного уличного искусства. Фестиваль начал работать как низовая инициатива с минимальным бюджетом и затем был поддержан Норвежским советом по искусству. Художественные высказывания здесь часто иллюстрируют депрессивные реалии промышленного города, рефлексиируют на тему нефти и черного цвета, часто появляются на заброшенных зданиях (информацию о Ставангере предоставили кураторы паблик-арт программы).

⁸ Про кураторов паблик-арт программы см. [<http://streetartinstitute.com>].

многочисленные мероприятия, в которых принимает участие как истеблишмент, так и жители города.

В 2017 году Институт исследований стрит-арта пригласили в Альметьевск по инициативе градообразующей нефтяной компании⁹, лидеры которой являются коренными жителями этих мест. Инвестируя в город, они преследуют как экономические, так и романтико-ностальгические цели. Работники Института исследований стрит-арта, понимая, что работы будут создаваться «под заказ» и скорее всего останутся в городе надолго, начали разрабатывать концепцию паблик-арт программы. Первоначальная идея состояла в том, что муралы, скульптуры, медиа-арт, маленькие интервенции и работы, созданные в результате мастер-классов, должны быть объединены веломаршрутом.

Переломным моментом и поворотом к фольклору, по словам кураторов программы, стал диалог с местной журналисткой и архивариусом Софией Гафиатуллиной. Она рассказала о своей беседе с одной из первых деревенских женщин-бурильщиц, добывавших нефть во время Великой Отечественной войны:

Первую нефть, найденную в 1943 году, добывали девушки. Все мужчины тогда были на войне. Молодые женщины каждый день пешком уходили и затемно возвращались через дремучий непроходимый лес на невероятную для современного человека тяжелейшую работу. На них нападали стаи волков, поэтому не все возвращались. Чтобы как-то опознать их останки, их матери вплавляли в калоши цветные ленточки — резину волки не ели.

Одна из тех девушек рассказывала мне: «Мы возвращались через лес с факелами, когда нас окружили волки. Интуитивно мы стали в круг спинами друг к другу, и стояли так какое-то время. Факелы догорали. И вдруг из леса медленно вышла огромная белая волчица. Увидев её, волки неожиданно затихли, повернулись, и все вместе ушли за ней вглубь леса». Божество Ак Буре считается хранительницей рода и покровительницей женщин¹⁰.

После этой истории у кураторов проекта появилась идея создать произведения искусства, основанные на текстах устной традиции и фольклора, они придумали название — «Сказки о золотых яблоках», сформировали предварительный маршрут, на котором должны были появиться объекты паблик-арта. Маршрут привязан к велодорожкам. Одновременно подбирались команда экспертов — исследователи татарской культуры, специалисты по старинным татарским рукописям, — которые помогали в подготовке информации для художников.

В апреле 2018 года работники Института исследований стрит-арта обратились ко мне с просьбой провести полевое «фольклористическое и антропологическое исследование» в нефтяном городе. Во время разговора выяснилось, что ни я, не понимающий, что такое паблик-арт, ни кураторы, не представляющие, каким образом может проходить подобное

⁹ Реконструкция событий основана на материалах интервью с кураторами программы.

¹⁰ История в письменном виде получена по электронной почте от кураторов.

исследование, не могут сразу предложить друг другу готовые ответы¹¹. Чтобы яснее сформулировать концепцию «Сказок о золотых яблоках» и избежать возможных ошибок при реализации муралов, кураторы паблик-арт программы провели серию семинаров, куда были приглашены исследователи татарской культуры, краеведы, специалисты по декоративно-прикладному искусству, исследователи исламских рукописей. В самом общем виде организаторы хотели понять, что уникального есть в Альметьевске, каким образом можно репрезентировать в публичном искусстве татарские мотивы, как можно реформировать с помощью уличного искусства восприятие жителями своего города. В одном из таких проектных семинаров перед поездкой в начале мая 2018 года принимали участие и мы, как определяли нас другие участники, — «фольклористы».

Паблик-арт программа, как я уже упоминал, называется «Сказки о золотых яблоках». Сама идея «сказочности» появилась до того, как мы были приглашены для участия в проекте. Почему «Сказки о золотых яблоках»? До нашего участия в программе в Альметьевске был сделан мурал — оммаж на картину Х. Я. Якупова «Золото Татарии» (Илл. 1), мурал «Чайники» (Илл. 2), было подготовлено скульптурное изображение татарского поэта Габдуллы Тукая (Илл. 3) с персонажем татарского фольклора, воспетым Тукаем, персонификацией духа леса шурале (тат. шүрәле). При этом в двух из трех произведениях искусства идея «сказочности» уже была, соединяясь с главными символами города — нефтяным промыслом и велосипедными дорожками.

Интересно само название паблик-арт программы. «Золотое яблоко» — татарская сказка, найденная в социальной сети vk.com одним из участников арт-программы¹²: по мнению представителей заказчика, она хорошо подходила для нейминга в дальнейшей реализации арт-программы.

Согласно «сказочной» идее, над проектом в качестве консультантов должны были работать ученые, имеющие знания в области татарской культуры, в том числе и эксперты по фольклору в целом. Вот как формулировалась основная идея паблик-арт программы в публичном пространстве в 2018 году после проектного семинара:

«Сказки о золотых яблоках» — пятилетняя паблик-арт программа в Альметьевске. Проект осуществляется по инициативе компании Татнефть и реализуется Институтом исследований стрит-арта (Санкт-Петербург). Проект представляет собой эпос об истории нефтяного региона и его жителях, перенесенный на стену и соединенный общим маршрутом. Все истории, которые иллюстрируют художники, были собраны в Альметьевском районе или представляют собой фрагменты общего культурно-исторического наследия Татарстана¹³.

¹¹ В 2017 году коллеги-антропологи проводили исследование общественных пространств Татарстана, которое проходило и в Альметьевске, поэтому предварительно я понимал специфику этого города.

¹² По словам кураторов, это была запись сказки, рассказанной (а не прочитанной) кем-то на татарском языке. Сказку прослушал и перевел на русский.

¹³ <https://vk.com/almetpublicart>

Илл. 1. Героический труд добычи нефти вместе с сюжетом сказки о золотых яблоках воплощен в оммаже на картину «Золото Татарии» Хариса Якупова. Авторы Дуэт Hoodo (Москва) и каллиграф Карим Джаббари (Монреаль), 2017

Илл. 2. Элементы традиционного татарского быта — чайники — изображены на стене дома. Мурал «Пять чайников». Автор Агостино Иакурчи (Берлин), 2017

Илл. 3. Молодой поэт Габдулла Тукай сидит на велосипеде с шурале в багажнике. Скульптурная композиция «В этом удивительном лесу...» («Бу кап-кара урманда...»). Автор Павел Игнатьев (Санкт-Петербург), 2017

Через некоторое время я собрал команду из фольклористов, антропологов, социологов и религиоведов¹⁴ для проведения экспедиции, чтобы собрать фольклорные сюжеты, проанализировать локальный текст города и создать аналитический отчет, в котором эти сюжеты были бы представлены в виде пересказа с цитатами и рекомендациями для их воплощения.

«Эпос об истории нефтяного региона», «истории жителей региона», «культурное наследие Татарстана» — ключевые идеи для реализации паблик-арт программы, которые были сформированы заказчиками, кураторами и консультантами. До экспедиции мы понимали нашу роль — позицию интерпретаторов материала (того, что нам расскажут

¹⁴ Участники экспедиции: Петров Н. В. — фольклорист, к. ф. н., зав. Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС (Москва), доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, ст. н. с. МВШСЭН (Шанинка); Елагина В. С. — религиовед, бакалавр религиоведения ПСТГУ (Москва); Вятчина М. В. — антрополог, научный сотрудник Лаборатории перспективных археологических и этнологических исследований КФУ (Казань), аспирант по специальности «Этнология» в университете г. Тарту (Эстония); Доронин Д. Ю. — фольклорист, антрополог, магистр по специальности «Фольклористика и мифология» (Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ), магистр философии (факультет социальных наук, каф. истории, философии и методологии науки НИГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998–2000 годы), научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС (Москва); Савина Н. А. — фольклорист, антрополог, аспирант Факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; Юзекаева А. М. — социолог, магистр Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, ведущий специалист ООО «Институт социологических и маркетинговых исследований» (Новосибирск).

информанты), медиаторов между посредниками (Институт исследований стрит-арта) и художниками, у которых свое видение сюжетов. Чем более четко и внятно будет сформулирован тот или иной сюжет татарского фольклора и/или городского текста, тем более вероятно, что кураторы смогут донести до художника детали, и художник сможет его воплотить в мурале или скульптуре.

Техническое задание (как обязательный элемент заказа) формулировалось нами следующим образом:

- проанализировать интернет-публикации, материалы из городских библиотек Альметьевска (книги об Альметьевске и нефтяном производстве);
- проанализировать издания, связанные с фольклором Татарстана, Альметьевска и близлежащих местностей;
- на основе предварительного анализа культурного текста Альметьевска и в целом Татарстана составить опросник, который будет уточняться и дополняться во время экспедиции;
- собрать не менее 15 глубинных и не менее 15 блиц-интервью на местах, где планируется размещение объектов стрит-арта, в интервью будут опрошены представители сообщества нефтяников, сотрудники сферы культуры и искусства, представители местной администрации;
- осуществить видеосъемку отдельных интервью, фотосъемку информантов и ландшафтных и архитектурных объектов города;
- осуществить ведение полевых дневников (краткое аннотирование записанного материала) и камеральную обработку данных – кодирование и размещение в базу данных сведений о записанных текстах, информантах, объектах городского ландшафта;
- создать аналитический отчет с рекомендациями по визуализации локальных сюжетов.

Будучи в 2018 году лишь кратковременно вовлечены в программу, мы не могли повлиять на решения, принимаемые по вопросам размещения объектов, и на то, как будет реализован тот или иной объект на уровне эскиза и конечного произведения, – иными словами не могли воздействовать на финальное решение, принимаемое кураторами (см. о сложном процессе курирования в паблик-арте [Аварса 2017]) и художниками. Как выяснилось позже, кураторы также были поставлены в жесткие временные и финансовые рамки, определяемые заказчиком.

Выше читатель найдет пассаж про первичное непонимание мною запроса со стороны представителей Института исследований стрит-арта и, наоборот, непонимание того, какое знание мы будем производить после исследования. Казалось, что участие экспертов имеет и еще одну цель для заказчика – легитимировать его действия. Исходя из опыта участия в прикладных антропологических проектах с 2013 года, я могу сказать следующее. Результат этих исследований в виде отчета, если он вообще будет прочитан заказчиками, играет не самую существенную роль при реализации того или иного проекта. Главной задачей

экспертов зачастую оказывается формирование подушки безопасности для заказчика, кураторов и следование тенденции («у нас есть эксперты, которые провели исследование, поэтому вопросы — к ним» и «перед выполнением заказа мы провели исследование»). После проведения исследования исчезают в столе заказчика, а результаты выглядят так, как будто после сдачи отчета никто не выполняет рекомендации городских антропологов и фольклористов. Однако дальнейшее наше взаимодействие показало, что кураторы, хотя и не могут полностью избежать ошибок (контекст не соответствует локальному колориту, фольклорный сюжет, мотив не включает сцену, которую изобразил художник, детали неточны и способствуют негативному восприятию мурала), действительно заинтересованы в том, чтобы работы были максимально ориентированы на тексты, записанные от жителей Альметьевского района.

Кроме этого, мы хотели понимать, какие сюжеты будут восприниматься позитивно, а какие негативно, поэтому предложили свою помощь в дальнейшем исследовании восприятия муралов в Альметьевске, и сложилось долгосрочное сотрудничество. Оно было похоже на совместное научение: мы учились долго и терпеливо объяснять очевидные фольклористам и антропологам вещи простым языком, понимать сложные коммуникативные сети всех акторов; кураторы публич-арт программы стали лучше понимать различие между аутентичным и неаутентичным, учились взаимодействовать с пользователями территории, которые хотели быть вовлечены в процесс создания того или иного мурала.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт публич арт-проекта «Сказки о золотых яблоках» в Альметьевске показывает, как публичное искусство может, с одной стороны, представить город с его национальным колоритом и оригинальной самобытностью в пространстве российских городов в медиа и туристических стратегиях. С другой стороны, публичное искусство повышает осведомленность жителей о местном фольклоре, прошлом, об истории нефтяной промышленности, в которую вовлечено большинство жителей Альметьевска. Стены и улицы города после реализации публич-арт программы должны были рассказывать внешним и внутренним зрителям (приезжим и местным) локальные истории.

При этом существует ряд проблем с интерсемиотическим переводом ряда сюжетов, собранных исследователями, на язык заказчиков, кураторов, художников, высказывания на котором должны читать жители города. Одной из самых сложных задач оказывается донести национальную и городскую специфику города до художников, которые происходят из разных мест и зачастую не бывали в Татарстане и даже в России. Для этого надо понимать, чем характеризуется Альметьевск, его жители, жители окрестных населенных пунктов.

Мы проанализировали СМИ, онлайн-публикации, материалы из альметьевских библиотек (книги об Альметьевске и объектах нефтедобычи), материалы из частных библиотек в Альметьевске. До и во

время экспедиции мы обработали публикации, содержащие сказки и мифологические фольклорные тексты, а также устные повествования об Альметьевске, изучили источники, содержащие информацию о работниках городских нефтедобывающих предприятий и о самой нефтедобыче. На основе предварительного анализа культурного контекста Альметьевска и Татарстана в целом разработали вопросник, который впоследствии был дополнен в ходе комплексной фольклорной экспедиции в город Альметьевск в мае 2018 года.

В результате экспедиции мы собрали 46 интервью, из них 30 глубинных и 16 коротких блиц-интервью на местах, где планировалось размещение объектов паблик-арт программы. Были опрошены:

- представители сообщества нефтяников;
- сотрудники сферы культуры и искусства (сотрудники краеведческого музея, картинной галереи, драматического театра);
- представители местной администрации;
- другие группы горожан, охваченные во время проведения глубинных интервью и блиц-интервью в общественно значимых пространствах города;
- отдельную группу составили жители близлежащих населенных пунктов (с. Старый Альметьевск, д. Кичучатово).

Каким оказался город в восприятии жителей? Какие идеи оказываются самыми важными для Альметьевска? По результатам исследования мы выделили три базовых вектора: соединение городского и сельского, совместное неконфликтное проживание представителей разных этноконфессиональных групп, попытку истеблишмента влиться в модный урбанистический тренд.

Локальный текст татарского города

После сбора устных интервью у нас не сложилось ощущения, что в Альметьевске существует универсальный набор фольклорных текстов, имеющих отчетливые отсылки к татарской и/или русской культуре и складывающихся в циклизированный сюжет из значимых персонажей или образов. Напомню, что «создание эпоса нефтяного города» — одно из ключевых заданий, которое было сформировано в ходе проектного семинара. В то же время, записанные тексты образуют довольно устойчивые тематические группы, ориентированные на воспоминания о начале нефтяной промышленности, разработке и оптимизации производства, тексты устной истории о нефтяных работниках, воспоминания о быте 1930–1980-х годов, мифологические тексты, тексты, связанные с вернакулярными районами города, слоганы. В целом мы выделили наборы нарративов, апеллирующих к следующим семантическим блокам:

- ностальгические тексты, романтизирующие начало нефтяного промысла и быт нефтяного производства;
- неформальные тексты, характеризующие неофициальную топонимию города и окрестных местностей;

– культурные и исторические нарративы, апеллирующие к коллективной памяти, романтизирующие и маркирующие древность местности и основание г. Альметьевска;

– тексты города и в городе, связывающие пространство с концептуальными полями «райское место», «велосипедная столица» и «нефтяной край»;

– тексты, связанные с материальной культурой г. Альметьевска и местных жителей (татар, русских, башкир, чувашей, казахов и т. д.);

– амбициозные дискурсы о значимых профессиональных сообществах, маркированных культурных мероприятиях, объектах, о том, что можно назвать «гордость Альметьевска»;

– нарративы о деятелях культуры, просветителях и героях-нефтяниках;

– тексты сказок, легенд и местных преданий, опубликованные фольклорные истории, записанные в Альметьевском районе.

Таким образом, отчетливо выделялись блоки, связанные между собой следующими линиями: 1. Традиции; 2. Память, история, культура; 3. Местные герои; 4. Ностальгия; 5. Амбиции.

Понятно, что такое разделение нарративов на группы было сделано для удобства пользователя (кураторов и заказчика), в целом, устные нарративы пересекаются между собой, образуя единое смысловое поле.

После экспедиции и исследования мы написали аналитический отчет, который состоит из нескольких блоков, в каждом из которых подробно анализируются записанные тексты и приводятся рекомендации для их визуального воплощения (Табл. 1).

Табл. 1. Оглавление отчета

1. Состав исследовательской группы и ключевые компетенции	Альтернативные способы использования нефти (лечение, смоление кораблей)
2. Методы работы	Теории происхождения нефти
Архивная и библиотечная работа, анализ медиа	Земляное масло
Методы сбора полевого материала	География (визуализация географии)
3. Информанты	Поиск нефти лозой и по запаху
4. Локальные городские сообщества	Традиции и ритуальные практики нефтяников
Наиболее заметные в городе группы горожан	6.2. Неформальные тексты, характеризующие вернакулярное (неофициальное) наполнение пространства города и окрестных местностей
5. Концептуализация исследования	Старый Альметьевск
6. Наиболее значимые устные нарративы / сюжеты	Вернакулярные районы
6.1. Ностальгические тексты, романтизирующие начало нефтяного промысла и быт нефтяного производства	Дорога «Тешин язык»
Надыр Уразметов	Альмет-мулла
Караван верблюдов и нефтяной клад	Урсала
Девонский период	Памятники, скульптуры
Способы добычи нефти (нефтяной колодезь, амбарная нефть, ямный сбор нефти)	6.3. Культурные и исторические нарративы, апеллирующие к коллективной памяти, романтизирующие и маркирующие

древность местности, основание г. Альметьевска и период 1980–2000 гг.
 Разбойничье место
 Эби-патша (царица-бабушка) и Оренбургский тракт
 Ельцин и суверенитет
 6.4. Тексты города и в городе (слоганы), связывающие пространство с концептуальными полями «райское место», «велосипедная столица» и «нефтяной край «Элмэт жәннэт»
 Велосипедизация
 Яблони/ласточки
 6.5. Тексты, связанные с материальной культурой г. Альметьевска и местных жителей (татар, русских, башкир, чувашей, казахов и т. д.), нефтяников
 Традиционный татарский дом
 Юрты, бараки, финские домики, вагончики
 Материальный быт нефтяников начала промышленной нефтедобычи
 Культбудки
 Дома из чупаевского камня
 Факелы
 Родники
 Ромашка
 6.6. «Амбициозные» дискурсы о значимых профессиональных сообществах, маркированных культурных мероприятиях, объектах, о том, что можно назвать «гордость Альметьевска»
 Театр
 Корабль «Альметьевск»
 пляж

Троллейбус
 6.7. Нарративы о деятелях культуры, просветителях и героях-нефтяниках
 Риза Фахретдин
 Династия Шавалеевых
 Бари Юсупов
 Михаил Белоглазов
 Первые женщины-буровички: «20 героинь»
 Сажидя Сулейманова
 Михаил Егорович Землянов
 6.8. Фольклорные тексты, не связанные с нефтью, но отражающие школьный и сельский культурный бэкграунд местных жителей
 Мифологические персонажи
 Сказочные сюжеты
 Ак буре
 Эпические сюжеты
 6.9. Локальные легенды г. Альметьевска и окрестностей
 Акташский провал
 Клады
 6.10. Визуализация быта нефтяников в кино
7. Общие рекомендации/идеи для визуализации (итоги обсуждения группы)
8. Приложения
 1. Список информантов
 2. Вопросники
 3. Стихи про Альметьевск
 4. Татарские народные песни, упоминаемые в отчете

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОГРАММЫ

В середине-конце 2018 года (через несколько месяцев после прикладного исследования) в городе появился ряд объектов паблик-арта, которые переводят на визуальный язык вербальные тексты, связанные с городским текстом Альметьевска и с фольклором. В этом разделе мы покажем собранные тексты и произведения художников, созданные на основе собранных полевых материалов. Их можно разделить на несколько тематических блоков:

- a. Религиозная и материальная культура татар;
- b. Фольклор и устная история;
- c. Тексты, связанные с началом нефтяного промысла.

Художники читали записанные тексты, аналитический отчет исследователей и резюме выступления консультантов, формировали свой взгляд на Альметьевск и татарскую культуру. Таким образом, в

конце 2018 года было реализовано несколько муралов, основанных на материале из отчета, другие муралы воплощали идеи кураторов и самих художников¹⁵.

Одна из таких картин — произведение Кримоса (Илл. 4), где изображена археологическая находка — монета и надпись в виде традиционного благопожелания «Будь счастлив» по-русски и «Котлы булсын» по-татарски. По мнению одного из консультантов и кураторов публич-арт программы Альфрида Бустанова, надпись «Будь счастлив» (نوسلوب غولتق, совр. татар. «котлы булсын») встречается на медных золотоордынских монетах XIII и XIV века:

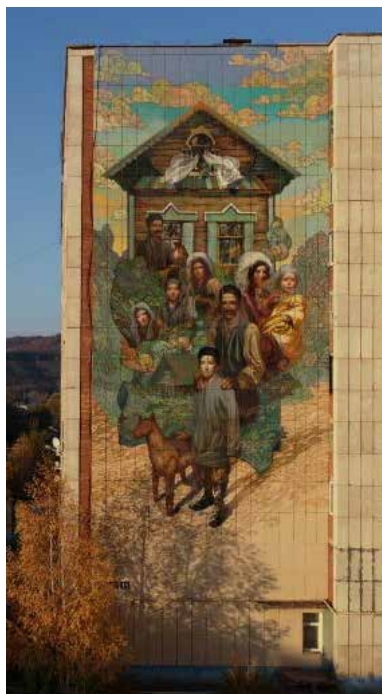
монеты были дешевыми и имели широкое хождение среди простых людей «...» использовались в повседневном обмене «...» «Котлы» — тюркское слово, оно означает «счастье» «...» Несмотря на то, что золотоордынские монеты исчезли вместе с государством, это сочетание слов оказалось очень устойчивым и до сих пор широко используется в татарском языке. Сегодня эта формула применяется шире — в пожеланиях успеха и поздравлениях (особенно с новой покупкой, что невольно напоминает об изначальном словоупотреблении)¹⁶.

Илл. 4. Мурал «Котлы Булсын»/«Будь счастлив». Автор Роман Креemos (Подольск), 2018

¹⁵ Часть из них можно увидеть на созданном в 2019 году веб-сайте [http://www.almetpublic.art].

¹⁶ Полный контекст изображения размещен на сайте, посвященном публич-арт программе [http://www.almetpublic.art/objects/19#context].

Илл. 5, 6, 7. Мурал-диптих «Наследие Уразметовых». Автор Василий LST (Ангарск), 2018

Илл. 8, 9. Резервуары и здания котельной АПТС. «Теории происхождения нефти». Автор Артем Стефанов (Москва), 2018

Одним из наиболее узнаваемых героев из устных рассказов был Надыр Уразметов (1688–1758), один из первых основателей нефтяного дела, который впервые в истории Российской империи осуществил переход от кустарного собирания нефти к промышленной добыче и переработке нефти. Личность Уразметова глубоко укоренена в национальной памяти, в его честь названы Надырская волость, д. Старое Надырово, д. Новое Надырово. В экспедиционных записях он предстает зачинателем нефтяного дела в Урало-Поволжском регионе России, и Уразметову посвящены два мурала, в которых реализована идея «наследия».

Другие картины связаны с различными теориями о происхождении нефти (Илл. 7, 8). По словам наших респондентов, основных теорий три: органическая теория происхождения — нефть возникает при достижении содержащих органику слоев осадочных пород так называемого «нефтяного окна» (то есть несколько километров под землей, при высоком давлении и температурах); неорганическая теория происхождения — нефть как бы поступает из более глубоких слоев, например, конденсируясь из поднимающихся газовых фракций; космическая теория происхождения — нефть была занесена на Землю с метеоритами.

Образ традиционного татарского дома, которым делились с нами информанты, включает в себя описание внешнего и внутреннего устройства. В числе неизменных составляющих внешнего облика дома называются соломенные крыши, палисадник перед домом, обилие зелени и цветов, яркие цвета дома (различные оттенки синего, зеленого, желтого, белого, коричневого), орнаменты и ажурные украшения на домах. В каждом доме обязательно держали огород и сад (яблони, вишни), а также скот (баранов, коров, лошадей) и птицу (кур, гусей).

Илл. 10. Мурал «Обед». Автор Димитрис Таксис (Афины), 2018

ФОЛЬКЛОР И УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК СПОСОБ СКОНСТРУИРОВАТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Таким образом, неформальное знание жителей о своем городе стало основой концепции 5-летней паблик-арт программы в Альметьевске. Художники с мировыми именами в разных жанрах создают работы в рамках public art, опираясь на собранные исследователями образцы folk culture жителей постсоветского города. Отвлекаясь от ресурсной политики советского образца, на постсоветском пространстве (судя по всему, впервые в России) реализуется программа, где истории жителей города оказываются отправной точкой для репрезентации национального и культурного текста в городе. Опыт арт-программы в Альметьевске показывает, как публичное искусство может представить город с его национальным колоритом в пространстве российских городов. Ориентализм сюжетов во многом обусловлен статусом и характеристиками заказчика, и прикладные исследователи могут лишь корректировать запросы заказчика. С другой стороны, публичное искусство повышает узнаваемость среди жителей татарских сюжетов, связанных с фольклором, прошлым и нефтяной индустрией, в которую вовлечены большинство жителей Альметьевска. Мы продолжаем быть вовлеченными в долговременную историю, связанную с поддержкой, корректировкой и дальнейшей реализацией паблик-арт программы, замечая неизбежный в этом случае перекося в сторону национального и этнического. Для заказчика же такое положение дел оказывается закономерным.

В рамках этой работы мне важно обратить внимание и на явление, которое можно назвать конструированием идентичности через фольклор. Это понятие можно определить как попытку сделать конкурентной и легитимной территорию/группу через воспроизведение и изобретение локального и национального. Индикатором таких процессов не в последнюю очередь оказывается поиск «фольклорного», который ведется как в массовой культуре (которая зачастую идентифицируется с народной, а критерием для идентификации оказывается узнаваемость персонажа или сюжета), так и в информационном пространстве города. Таким образом, городское пространство обретает смысл в том числе через трансляцию друг другу и приезжим фольклорных нарративов, что в целом хорошо знают фольклористы, ездящие в экспедиции. Когда это знание становится не приватным, а публичным, то оно оказывается важным конституирующим элементом локальной идентичности.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО: «МАМА, СМОТРИ, ТАМ ЗМЕЯ!»

Как уже говорилось, после написанного аналитического отчета кураторы знакомили с результатом исследования художников, которые в результате создавали произведения искусства в рамках паблик-арт программы. В этом и лежит основная проблема и базовый смысл уличного искусства. Заказной мурал, какая бы идея ни лежала в его основе, все

Илл. 11, 12. Мурал «Защитник». Автор Fikos (Афины), 2018

равно будет нести отпечаток личности, манеры, стиля художника. Его работа иррациональна по своей природе, и получаемая им информация от исследователей перерабатывается и усваивается с разной степенью рефлексии. При этом разница культур рождает новые интерпретации того или иного сюжета, которые, однако, могут сильно отличаться от восприятия жителей. Иногда жители могут спорить с образами, иногда их не принимать. Также здесь приоткрывается отдельная проблематика национального визуального кода, с помощью которого местный житель легко распознает «свое» и «чужое». А некоторые муралы наследуют основной идее стрит-арта – быть протестным искусством, то есть выявлять и презентовать в виде картины противоречия и сложности жизни в городском пространстве (см. об этом подробнее в статье Рафаэля Шактера [Schacter 2014]).

Один из муралов выполнил Фикос (Fikos) – греческий художник, который родился и живет в Афинах. С детства увлекался рисованием. В 13 лет он начал изучать византийское искусство под руководством Джорджа Кордиса – известного современного художника, работающего по всему миру. Работы Фикоса находятся на улицах в разных странах – Франции, Англии, Ирландии, Швейцарии, Мексики, Испании. Выполненные в манере византийской фрески, работы Фикоса получают монументальными и обладают определенной (неяркой) цветовой гаммой¹⁷.

Работа греческого художника в Альметьевске связана с сюжетом татарской сказки о золотой птице, где герой (батыр) борется и побеждает противника, имеющего змеевидный облик (аждаха) (Илл. 16, 17). Отметим, что аждаха в татарских сказках изображается различными способами и чаще похож на дракона, нежели на змея.

В аналитическом отчете 2018 года мы не упоминали этот сказочный сюжет, в интервью кураторы паблик-арт программы рассказали, что узнали о нем от одного из знакомых, затем нашли русский вариант татарской сказки в сети.

Однако мурал на стене жилого дома в Альметьевске в период его подготовки и после окончания работ художником вызвал неоднозначную реакцию (от резко отрицательной до резко положительной) у жителей этого дома и близлежащих.

Мы зафиксировали следующие высказывания: «я боюсь мимо него ходить»; «ребенок пугается»; «каждый раз прохожу мимо и плачу»; «цвет какой-то странный, некрасиво»; «хорошая работа, делает город лучше»; «мне нравится, а кому не нравится, не понимают искусство»; «спасибо вам большое, хожу мимо и не могу нарадоваться».

Негативно высказывалась активистка дома, которая быстро сформировала вокруг себя круг недовольных. После этого заказчик и кураторы, которым реакция жителей не понравилась, попросили группу провести дополнительное исследование, куда включались следующие задачи:

¹⁷ Образцы работ Фикоса можно посмотреть на его персональном сайте [http://fikos.gr/].

1. Сбор мнений в связи с изображением на боковой стене дома по мотивам татарской сказки «Золотая птица» жителей близлежащих домов¹⁸.
2. Анализ текста сказки о золотой птице и фольклорных сюжетов, связанных с ней.
3. Создание аналитического отчета о проделанной работе и о результатах исследования.
4. Выработка рекомендаций по дальнейшим действиям в рамках арт-программы.

Таким образом, в исследование включились и социологи-количественники, обработав ответы на закрытые и открытые вопросы разработанной анкеты. А все участники команды благодаря этому случаю детально разобрались в том, что называется соучаствующим проектированием. Далее я, не вдаваясь в подробности, расскажу о результатах второго исследования осенью 2018 года, используя материалы отчета «Исследование мнения жителей по адресам Гафиатуллина 2, Гафиатуллина 4, Нефтяников 21, Нефтяников 23 г. Альметьевска в связи с муралом Фикоса»¹⁹.

Фольклор, да не тот

На стене дома изображен центральный фрагмент сюжета из татарской сказки о Золотой птице (по указателю типов Аарне-Томпсона-Утера № 502). Эпизод змеборчества в этой сказке имеет международный характер, классификационный номер [ATU 300], название The Dragon-Slayer. Rescue of the princess («Герой побеждает змея. Спасение царевны»), встречается в 91 традиции. Сюжетный тип состоит из следующих эпизодов: I. The Hero and his Dogs. II. The Sacrifice. III. The Dragon. VI. The Fight. V. The Tongues. VI. Impostor. VII. Recognition.

Текст сказки «Золотая птица», на основе которого создавалось изображение, был впервые опубликован на русском языке как обработанный перевод, выполненный Михаилом Булатовым, сразу в двух изданиях «Татарские народные сказки» 1957 года: издательства «Таткнигоиздат» и «Детгиз». Книги выходили большими тиражами, впоследствии тексты много раз переиздавались как в советское время, так и в современности. Этот же текст широко представлен в электронном виде в интернете.

---

¹⁸ Приблизительные количественные показатели, заявленные нами: 200 жителей дома, 50 жителей окрестных домов, 20 прохожих разного возраста. Мы решили (в связи с большим количеством подъездов в доме) охватить жителей первых 5 подъездов, находящихся в непосредственной близости к изображению. Дом, на котором был изображен мурал, многоквартирный, начала 1980-х годов постройки, 10 подъездов, 390 квартир. По правилам опроса и создания репрезентативной выборки из одного домохозяйства можно опрашивать одного человека, и мы не смогли бы соблюсти все правила опроса, поэтому в представленном исследовании речь о классической репрезентативности не идет.

¹⁹ На этом этапе к участникам присоединились социологи: Колчин М. А. — социолог, КФУ, Казань; Савина А. С. — социолог, магистр этнологии КФУ, Казань.

Илл. 13. Карта распространности международного сюжета АТУ 300

Текстологическая проблема заключалась в том, что нам неизвестен первоисточник этого текста, из-за чего возникает ряд вопросов: какой текст переводил и обрабатывал Булатов? Как был (и был ли?) записан первоисточник? Насколько хорошо Булатов владел татарским языком и насколько был погружен в контекст «татарской народной культуры»? Нам удалось найти еще один текст татарской сказки под названием «Золотая птица», который имеет сюжет, отличный от описанного выше. В найденном тексте нет мотива борьбы героя со змеем (напомню, что именно этот эпизод изображен на картине Фикоса). Согласно атрибуции, приведенной в издании, он был записан в 1947 году в селе Апастовского района от мужчины 75 лет. Как кажется, впервые этот текст был опубликован на татарском языке только в 1978 году в 1 томе «Татар халык ижаты» («Татарское народное творчество») под названием «Алтын канатлы кош» («Птица с золотыми крыльями»). В 1999 году этот многотомник стали публиковать на русском языке, где текст сказки был напечатан в переводе Садековой под названием «Золотая птица». Стоит отметить, что в этом тексте золотая птица выступает как один из важных персонажей сказки – волшебный помощник, чья функция – помощь герою в решении серии сложных задач на протяжении всего действия сказки.

В то же время в одноименной сказке «Золотая птица», обработанной Булатовым, золотая птица как персонаж фигурирует только в начале действия и не имеет важного значения для развития сюжета (в связи с этим возникает логичный вопрос о том, почему этот текст получил именно такое название, однако для полноценного ответа недостаточно архивных данных и можно строить только предположения). Что хочется особенно отметить, к моменту боя главного героя со змеем золотая

птица уже не участвует в сюжетном развитии и вообще имеет довольно опосредованную связь с главным героем, поэтому изображение, созданное Фикосом, с трудом можно назвать «иллюстрацией» — было бы корректно называть его «фантазией по мотивам нескольких татарских сказок».

ЗЕЛЕНЫЙ ЗМЕЙ И НЕПРАВИЛЬНЫЙ ТАТАРИН

Стиль изображения (стилизация под византийскую фреску и манера работы художника) вызывала у респондентов эмоциональные высказывания в спектре от позитивных до негативных. При этом работу художника Фикоса жители оценивали скорее положительно, обращая внимание на трудовые ресурсы и эмоциональные затраты, потребовавшиеся для создания картины: «работа хорошая, художник старался»; «молодец, хорошо работает»; «художник отличный, хорошо работает, все мне нравится». Положительные оценки работе художника по выборке в целом дают 57% опрошенных. Демонстрация уважения к художнику проявляется и во многих фрагментах интервью.

Существенная доля негативных откликов респондентов по отношению к картине связана с цветовой палитрой изображения: «неяркое», «тусклое» и т. п. Во время проведения второго исследования осенью 2018 года мы выяснили вполне устойчивую репутацию этого дома и района в целом как «дома/района алкашей». В связи с этим можно предположить, что отчасти блеклые цвета считаются некоторыми местными жителями как знак, указывающий на неблагополучие их дома/района, но нельзя исключить и то, что мурал не соответствует востребованной жителями цветовой гамме. Среди основных запросов респондентов на изменение картины подавляющая часть касалась изменения цветового настроения мурала: «надо что-то яркое»; «мне кажется, еще не дорисовано»; «нужны краски»; «мрачно»; «тусловато».

Помимо мрачных тонов отрицательные эмоции у респондентов вызывал и сам сюжет картины: «картина злая», «змея пытается сожрать человека». Отдельные ассоциации некоторых респондентов, возникшие благодаря физическому и социокультурному ландшафтам, связанным с домом по Гафиатуллину 2, также вызывают скорее негативные эмоции: ассоциации с пьянством и «зеленым змием» и др.

Несмотря на то, что работа художника, согласно проведенному опросу, не нравится от 50 до 60% жителей, **за ее изменение выступает меньше количество — 32%**. По мнению 62% опрошенных, все нужно оставить, как есть. При этом одним из самых популярных вариантов изменения оказывается добавление текстового фрагмента (жители жаловались, что картина не всегда считается однозначно как иллюстрация к сказке, поэтому требует разъясняющего текста).

На первый план в блоке интерпретаций выходит образ змеи, которая воспринимается как центральная фигура на картине. Сюжет отчетливо опознается как «татарский» и «сказка», но при этом выделение художником образа змеи и постановка его на первый план, а образ птицы

на второй создает трудности с опознанием конкретного сюжета сказки. Изображение оказывается семантически многозначным и интерпретируется в основном как: 1) изображение змеи и человека; 2) змеборство; 3) татарский сюжет; 4) пьянство; 5) борьба добра со злом; 6) убийство; 7) защита; 8) жестокость.

Так, незнание этого сюжета местными жителями, работа художника, его стиль и виденье деталей, неинформированность жителей о смысле изображения оказываются факторами для порождения новых интерпретаций.

Название района и дома в связи с выпуклостью образа противника героя, характеризуемого как «змея», «змей», и устойчивой ассоциативной связью с социальными проблемами (пьянство) породило ситуацию, когда сложные социальные проблемы оказались, по мнению местных жителей, изображены в их пространстве. Это, в свою очередь, представляло их в негативном свете, актуализируя смысловой пласт «алкоголизм», «жесткость», «страх».

Через некоторое время после исследования появилась статья журналистки Елены Догадиной в интернет-издании «Такие дела» [Догадина 2018, 25 октября], в которой она показывает и еще одну «проблему» в связи с муралом Фикоса. Лицо батыра на нем напоминает фотографические изображения Рудольфа Нуреева. Нуреев — один из самых известных татарских артистов балета и балетмейстеров, который 1961 году после окончания гастролей труппы в Париже попросил политического убежища, став «невозвращенцем» в СССР. Известно, что он был гомосексуалистом. Вот некоторые выдержки из статьи Догадиной:

Фикос рисовал лицо сказочного батыра с портретов Рудольфа Нуреева, и это вызвало недовольство уже со стороны заказчиков: умерший от СПИДа танцор-гей не очень вписывается в концепцию татарских традиций, которые нужно оставить поколениям (...) И только художник спокойно и охотно сообщил, почему именно Нуреев: «Мне сказали, что татары чувствуют свою национальную уникальность и хотели бы видеть себя в проекте, так что я выбрал самого известного в мире татарина в качестве героя истории» [Догадина 2018, 25 октября].

Таким образом, Фикос «неправильно», «не в том стиле» нарисовал сюжет, возможно, татарской сказки, опубликованной на русском языке, не имеющей эпизода борьбы героя с чудовищем, изобразив батыра с лицом гомосексуалиста-татарина. Однако в том, что получилось благодаря этому, и заключается основная сила уличного искусства.

Неправильный сюжет? Нет. Протест против бытовых и социальных проблем

В результате проведенного исследования выяснилось, что изображение фрагмента сюжета из татарской сказки о золотой птице на стене дома оказалось для опрошенных нами жителей триггером для актуализации обсуждения социальных и бытовых проблем. Во время анкетирования в речи респондентов довольно часто возникали упоминания

о неудовлетворительном состоянии придомовой территории и состояния дома. В частности, попытка опроса одной пожилой местной жительницы в связи с изображением на стене дома полностью провалилась, поскольку эта женщина начала довольно эмоционально и развернуто жаловаться исследователю на бытовые проблемы в доме, что продолжалось около 20 минут, несмотря на все попытки исследователя перевести разговор к теме исследования. В частности, эта женщина использовала для жалобы следующие формулировки:

Столько денег тратить на это, лучше бы обшили панельные дома! Опять деньги на ветер с этой сказкой! Черт с ней, это никого не волнует. Пускай стоит, никого не трогает, а вот швы в доме меня трогают, у меня сквозняк по квартире гуляет! Миллиарды на сказки тратят, а ничего не делается. Все сказки рисуют. Меня сказка эта не волнует, меня дом волнует. Сказками нас кормить не надо. Сначала надо дома привести в порядок, а потом сказку рисовать!

Громкая и эмоциональная речь женщины привлекла внимание двух других жительниц дома, которые оказались поблизости, в результате организовалось небольшое «собрание», которое продолжилось даже после ухода исследователя. Подобная ситуация, скорее, является особым случаем проявления недовольства, однако схожие жалобы на качество внутридомовой и придомовой территории озвучили и многие другие респонденты²⁰.

Протест против изображения распространялся и сохранял эмоциональный градус благодаря активности местной жительницы, которая является неформальным лидером мнений. При этом экспликация эмоциональной семантики высказываний и результаты наблюдения исследователей показывают, что риторика протеста против изображения довольно часто связывается с детством, детьми. Фразы типа «дети боятся изображения» можно рассматривать как способ донести до администрации реальные бытовые проблемы, связанные с ремонтом дома, социальным окружением и благоустройством придомовой территории. Апелляция к чувствам и эмоциям детей (и, возможно, некоторая спекуляция на этой теме) оказывается для жителей единственной возможностью обратить внимание властей на резкий контраст между социальной неустроенностью и повышенным вниманием к изображению на стене.

Одна из главных претензий местных жителей по отношению к кураторам арт-программы заключалась в том, что работа на стене их дома была выполнена без их на то согласия. В ходе интервью неоднократно звучали подобные формулировки: «нужно было сначала советоваться»; «чтобы не было недовольства жителей, нужно согласовывать»; «надо было нас сначала собрать и нас спросить, дом-то наш».

Бытовые проблемы, о которых говорили жильцы обследуемой территории, видны и в позитивных высказываниях. От изображения картины на фасаде дома жители обнаружили неожиданные плюсы в виде

²⁰ Фрагмент из полевого дневника одного из исследователей, проводившего опрос.

шпаклевки стен: «хорошо, что зашпаклевали, теперь у людей дуть не будет»; «стало намного красивее, лучше, чем серая стена»; «хорошо, что заделали швы, утеплили стену».

Таким образом, основные запросы, которые местные жители пытаются донести до администрации/заказчиков/кураторов/исследователей, следующие:

– мы хотим, чтобы нас услышали: у нас рисуют на стене, а дом разваливается, район не такой благополучный, как кажется извне;

– мы хотим, чтобы кураторы паблик-арт программы/администрация города/«Татнефть» прислушивались к мнению жителей дома и согласовывали сам факт работ, связанный с нанесением рисунка.

Жители дома оценивают общую ситуацию с благоустройством в Альметьевске в терминах «было плохо, а стало лучше». А надежды на улучшение бытовых условий жители дома с муралом Фикоса на стене связывают прежде всего с администрацией («Альметьевск становится красивее с каждым днем. Наш Альметьевск вообще такой цветущий. Мэр города – молодец!»). В отрыве от ситуации с муралом многие респонденты отмечали, что в целом в городе появляется много улучшений, связанных с городской средой (например, реконструированный каскад прудов, благоустройство территории пляжа, установка современных детских площадок).

Случай с жильцами дома, где изображен «Защитник», наглядно показал, как в случае трансформации городского пространства сверху (со стороны власти и бизнес-элит) и при игнорировании интересов, ценностей и привычек местных жителей может формироваться ответная активная реакция со стороны собственников и непосредственных пользователей территории. В ситуации изменения внешнего вида городского пространства довольно высока вероятность протестной самоорганизации локальных сообществ, что и произошло в конкретном случае – появление активистки и круга ее сторонников.

Интересно, что опрошенные люди предложили в качестве альтернативных образов для создания муралов на придомовой территории яркие и знакомые всем по мультфильмам и кинофильмам сюжеты и образы, далеко не всегда соотносящиеся с татарской спецификой или локальными сюжетами города (см. Табл. 2).

Табл. 2. Желаемые изображения на доме

Тематика	Кол-во предложений
персонажи мультфильмов и сказок (колобок/шурале, Сююмбике / теремок / по татарским сказкам / Незнайка / Маша и медведь / «Ну, погоди» / Морозко / «По щучьему велению» /богатырь / сказки Пушкина)	47
пейзаж (природа/рассвет/закат)	23
солнце	4

вода	1
цветы	12
дружба, мир (народов, людей), добро	4
то, что несет добро	6
веселые картинки	6
добрые звери	6
поучительное для детей, меньше насилия	5
о любви	1
сюжеты из истории Татарстана	5
советские герои (Газинур Гафиатуллин / Галеев / те, которые жили в городе), исторические деятели (Суворов / Кутузов), писатели / поэты	7

Важным результатом проведенного исследования осенью 2018 года являлся тезис о том, что при изменении внутримодовой и придомовой территории необходимо обращение к непосредственным пользователям этого пространства – в первую очередь, к собственникам, к местным жителям. Игнорирование их интересов, желаний и привычек может привести к открытой конкурентной борьбе за городское пространство с внешними агентами (властью и бизнес-элитами), претендующими на физическое и символическое обладание этой территорией. Рекомендации кураторам были изложены во втором отчете:

Концепция «соучаствующего проектирования» может быть реализована как силами кураторов Арт-программы, так и с привлечением помощи специалистов. Так или иначе предшествующим этапом разработки любого проекта видится проведение исследования, направленного на изучение разных факторов, имеющих влияние на успешную реализацию проекта: социокультурный ландшафт территории, выявление заинтересованных агентов на конкретной территории, интересов локальных сообществ и проч. Проведение подобного исследования может с высокой вероятностью выявить отдельные точки напряжения и предотвратить возможную конфликтную ситуацию между разными агентами на отдельной территории. Дальнейшая реализация проекта должна проходить с учетом идей «соучаствующего проектирования» (постоянная коммуникация между всеми участниками проекта), а важным завершающим этапом должно стать повторное проведение исследования²¹.

Сейчас совместное сотрудничество фольклористов-прикладников, заказчиков, кураторов, художников, архитекторов (а в 2019–2020 годы и ландшафтных дизайнеров) продолжается, в следующих выпусках журнала я расскажу о находках и проблемах реализации следующего шага паблик-арт программы – «Сада мифологических персонажей» в Альметьевске.

²¹ Локальный текст города: Альметьевск: отчет. М., 2018.

Литература

- Алексеевский, М. (2018). Трудности перевода: заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города*, 1(1), 204–213.
- Догадина, Е. (2018, 25 октября). Уберите змею. Такие дела. Режим доступа: <https://takiedela.ru/2018/10/uberite-zmeyu/>
- Петров, Н. (2017). Миф о фольклористе Шурике. 23 мифа, которые раздражают ученых. Просветительский проект *Arzamas.academy*. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/785>
- Петров, Н. (2018). «Фольклорный брендинг» российских территорий. В Н. В. Петров, М. В. Ахметова, М. И. Байдуж (Ред.). *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда*, 70–77. М.: НЕОЛИТ.
- Фиалкова, Л. (2010). Прикладное применение фольклора. *Антропологический форум*, 2010(13), 147–176.
- Abarca, J. (2016). From street art to murals: What have we lost? *Street Art & Urban Creativity*, 2(2), 60–67.
- Abarca, J. (2017). Curating street art. *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*, 3(2), 112–118.
- Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. New York: Oxford University Press.
- ATU. Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. FF Communications, 284–286. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Three volumes.
- Baron, R. (2008). American public folklore: History, issues, challenges. *Indian Folklore Research Journal*, 5(8), 65–86.
- Bassin, M., Kelly, C. (Eds). (2016). *Soviet and post-Soviet identities*. New-York: Cambridge University Press.
- Beals, R. (1950). Editors page. *Journal of American Folklore*, 63(249), 360.
- Botkin, B. A. (1953). Applied folklore: Creating understanding through folklore. *Southern Folklore Quarterly*, 17, 199–206.
- Botkin, B. A. (Ed.). (1945). *Lay my burden down: A folk history of slavery*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Dorson, R. (1971). Applied folklore. *Folklore Forum Bibliographic and Special Series*, 1971(8), 40–42.
- Jones, M. O. (1994). Applying folklore studies: An introduction. In M. O. Jones (Ed.). *Putting folklore to use: Collection of articles*, 1–42. Lexington: The University Press of Kentucky, 1994.
- Montell, W. L. (1983). Academic and applied folklore: Partners for the Future. *Folklore Forum*, 16(2), 159–173.
- Schacter, R. (2014). The ugly truth: Street art, graffiti and the creative city. *Art & the Public Sphere*, 3(2), 161–176.
- Schacter, R. (2016). Graffiti and street art as ornament. In J. I. Ross (Ed.). *Routledge handbook of graffiti and street art*, 226–246. London and New-York: Routledge.
- Shuldiner, D. (1998). The politics of discourse: An applied folklore perspective. *Journal of Folklore Research*, 35(3), 189–201.

References

- Abarca, J. (2016). From street art to murals: What have we lost? *Street Art & Urban Creativity*, 2(2), 60–67.
- Abarca, J. (2017). Curating street art. *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*, 3(2), 112–118.
- Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology*, 1(1), 204–213. (In Russian).
- Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. New York: Oxford University Press.
- ATU. Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. FF Communications, 284–286. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia. Three volumes.
- Baron, R. (2008). American public folklore: History, issues, challenges. *Indian Folklore Research Journal*, 5(8), 65–86.
- Bassin, M., Kelly, C. (Eds.). (2016). *Soviet and post-Soviet identities*. New-York: Cambridge University Press.
- Beals, R. (1950). Editors page. *Journal of American Folklore*, 63(249), 360.
- Botkin, B. A. (1953). Applied folklore: Creating understanding through folklore. *Southern Folklore Quarterly*, 17, 199–206.
- Botkin, B. A. (Ed.). (1945) *Lay my burden down: A folk history of slavery*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Dogadina, E. (2018, October 25). Remove the snake. *Takie dela*. Retrieved from <https://takiedela.ru/2018/10/uberite-zmeyu/> (In Russian).
- Dorson, R. (1971). Applied folklore. *Folklore Forum Bibliographic and Special Series*, 1971(8), 40–42.
- Fialkova, L. (2010). Applied folklore. *Forum for Anthropology and Culture*, 2010(13), 147–176. (In Russian).
- Jones, M. O. (1994). Applying folklore studies: An introduction. In M.O. Jones (Ed.). *Putting folklore to use: Collection of articles*, 1–42. Lexington: The University Press of Kentucky, 1994.
- Montell, W. L. (1983). Academic and applied folklore: Partners for the future. *Folklore Forum*, 16(2), 159–173.
- Petrov, N. (2017). The myth of Shurik the folklorist. 23 myths that annoy scientists. *Educational project Arzamas.academy*. Retrieved from <https://arzamas.academy/materials/785>. (In Russian).
- Petrov, N. (2018). “Folklore branding” of Russian territories. In N. Petrov, M. Akhmetova, M. Baiduzh (Eds.). *Imaginary territory: from local identity to a brand*, 70–77. Moscow: NEOLIT. (In Russian).
- Schacter, R. (2014). The ugly truth: Street art, graffiti and the creative city. *Art & the Public Sphere*, 3(2), 161–176.
- Schacter, R. (2016). Graffiti and street art as ornament. In J. I. Ross (Ed.). *Routledge handbook of graffiti and street art*, 226–246. London and New-York: Routledge.
- Shuldiner, D. (1998). The politics of discourse: An applied folklore perspective. *Journal of Folklore Research*, 35(3), 189–201.